

Пророкъ русскаго духовнаго возрожденія.

Столѣтіе со дня роженія Достоевскаго. Цѣлая эпоха русской исторіи — пять царствованій и огромный совершенно исключительный историческій опытъ, и индивидуальный, и соборный! И въ то же время Достоевскій больше и важнѣе той исторической эпохи, въ которую онъ оказался вдвинутымъ. Онъ стоитъ надъ исторіей, ставитъ вопросы вѣчные. Этотъ великій романистъ, во многихъ отношеніяхъ переросшій (своихъ первоначальныхъ учителей, Гоголя¹⁾ и Бальзака²⁾, былъ не только великимъ религіознымъ мыслителемъ, онъ самъ — замѣчательное религіозное явленіе.

Одинъ англійскій авторъ, написавшій весьма серьезную и интересную книгу о Достоевскомъ, сказалъ, что у Достоевскаго не было жизни. Трудно было произнести сужденіе болѣе превозносное. У Достоевскаго не было, быть можетъ, *биографіи*, но у него была *жизнь*, исключительная по напряженности, ибо до грѣшъ полная самымъ основнымъ религіознымъ содержаніемъ жизнь, вовсе не только писательская или литературная. Мы знаемъ объ этой жизни только догадываться, ибо онъ повѣдалъ ее намъ лишь въ объективныхъ образахъ и проблемахъ своихъ романовъ. Но ихъ объективность не только не есть протокольность, она не есть даже чисто художественное изображеніе чего то внѣ ихъ творца существующаго

1) Въ первые годы своей дѣятельности Достоевскій, при всемъ предвѣніи о будущей великой силѣ, — прямой ученикъ Гоголя, печать котораго лежитъ на всѣхъ юношескихъ произведеніяхъ Достоевскаго, даже на ихъ явнѣ. Но послѣ ссылки онъ уже совершенно опирается на самого себя. И такъ какъ его религіозному содержанію „Братья Карамазовы“ значительно вѣснѣе, чѣмъ печати Гоголя!

2) Бальзакъ былъ несравненный изобразитель не столько пошлости, сколько гордости и пороковъ, и Достоевскій недаромъ перевелъ „Eugé le Grandet“, но Бальзакъ никогда даже не подозрѣвалъ того, что Достоевскій перевелъ не *свой* грѣхъ, *свою* порочность, *свою* судьбу.

Личный душевный опыт Достоевскаго воплотился въ фигуры и драмы его произведеній: то, что думаютъ и дѣлаютъ его „герои“, этимъ жилъ онъ самъ, надъ этими безднами онъ самъ стоялъ, не оталеченно, не „воспроизводя“ ихъ, какъ воспроизводили драмы жизни другіе художники, а въ самомъ подлинномъ смыслѣ слова. Раскольниковъ это не произведеніе Достоевскаго, это самъ Достоевскій. Но еще вѣрнѣе, что Карамазовы это самъ Достоевскій. Соберите Карамазовыхъ, Федора Павловича, Ивана, Димитрія и Алешу, и вы получите Достоевскаго. Или иначе: разложите Достоевскаго на отдѣльныя стороны его страшно сложной природы и вы съ изумленіемъ, я даже скажу — съ содроганіемъ, увидите передъ собой Карамазовыхъ. „Братья Карамазовы“, а не „Преступленіе и наказаніе“, какъ думалъ Розановъ, и являются основнымъ произведеніемъ Достоевскаго: въ немъ онъ сложилъ и воплотилъ свой личный религиозный опытъ, свою страшную борьбу съ Богомъ и за Бога, свое невѣріе и свою вѣру, свое безбожіе и свое благочестіе, свою смрадную грѣховность и свою страстную жажду очищенія и чистоты. Онъ въ своей душѣ носилъ касніе этихъ пламенныхъ, враждебныхъ и въ то же время родственныхъ. Но боль и переживалъ онъ это касаніе не какъ эстетическую, психологическую игру, а какъ религиозную, жизненную; сальность изъ которой исходъ одинъ: Богъ. Какъ могутъ со ущемлять грѣхъ и Богъ, страданіе и Богъ, несправедливость и Богъ, — этимъ вопросомъ мучился Достоевскій въ это время и тайну онъ хотѣлъ проникнуть. Одна мысль была — отвѣтнуть Богу. Въ всякаго сомнѣнія, много разъ Достоевскій подходилъ къ этому рѣшенію. Но онъ пріялъ. Божіе пріятіе Бога, трудное и въ то же время радостное, есть главная тема не то что его произведеній, но всей его жизни, съ ея страстями и бореніями, съ ея муками, съ ея паденіями и восторгами.

Достоевскій былъ великимъ грѣшникомъ въ томъ великомъ смыслѣ, въ какомъ имъ бывали Олваидскіе и другіе христіанскіе старцы. И его писательство было его *покаяніемъ*. Не въ переводномъ, а въ томъ совершенно реальномъ, религиозномъ смыслѣ, въ какомъ монахи налагали и налагали на

себя послушаніе. Кто знаетъ, быть можетъ, Достоевскій подъ конецъ жизни такъ же пришелъ бы къ подлинному иночеству, какъ это сдѣлалъ другой великій русскій грѣшникъ и великій религіозный мыслитель Константинъ Леонтьевъ.

Достоевскій пришелъ труднымъ и скорбнымъ путемъ грѣха и борьбы къ Богу, ко Христу, къ Церкви. Онъ сталъ вѣрующимъ, христіаниномъ, православнымъ. Это не есть какое либо „случайное“ и несущественное „біографическое“ дополненіе къ его художественной дѣятельности. Наоборотъ, художественное творчество въ процессѣ душевнаго опыта Достоевскаго стало лишь своеобразнымъ, для него лично естественнымъ и необходимымъ, выраженіемъ его религіознаго послушанія. А это религіозное послушаніе было для него главнымъ итогомъ его жизни, было, въ сущности, его жизнью.

Только такъ можно понять Достоевскаго. Его писательство и его вѣра тѣсно связаны съ его жизнью и съ его грѣхомъ. Алеша, братъ Ивана и Мити, рожденъ Федоромъ Павловичемъ и благословленъ старцемъ Зосимой — это не литературная „выдумка“ Достоевскаго, въ этомъ разсказѣ о Карамазовыхъ онъ повѣдалъ намъ свой религіозный опытъ, опытъ грѣха и покаянія, отверженія Бога и его пріягя.

Достоевскій громадное религіозное явленіе, какъ бы учитель вѣры и отецъ церкви въ оболочкѣ великаго свѣтскаго писателя многосоставной культурной эпохи. Какъ таковой, онъ гораздо больше и сложнѣе, а потому и труднѣе для пониманія, чѣмъ великіе пророки и учителя вѣры прежнихъ временъ. Но по существу и въ конечномъ итогѣ онъ относится къ нимъ. Его философское и политическое міровоззрѣніе — Достоевскій величайшій борецъ противъ атеизма, матеріализма и социализма — можетъ быть понято тоже только какъ истеченіе его религіозной вѣры. Онъ былъ націоналистомъ во имя Бога, ибо въ національномъ призваніи Россіи онъ видѣлъ подлинный зовъ Божій.

Достоевскій по своему социально-политическому міровоззрѣнію былъ противникомъ въ одно и то же время и социализма, и буржуазнаго либерализма, покоящагося на матеріализмѣ и утилитаризмѣ. Ни съ религіозно-метафизической, ни съ исторической точки зрѣнія въ этомъ нѣтъ ничего

страннаго. Буржуазный космополитическій радикализмъ въ духѣ Гольбаха, Гельвеція и Бентама родиль атеистическій социализмъ въ духѣ Оуэна и Маркса. Достоевскій, будучи враждебенъ буржуазному радикализму и атеистическому социализму, былъ своеобразнымъ русскимъ христіанскимъ социалистомъ.

Принципіально менѣе понятна его враждебность къ католицизму и католической церкви. Въ этой враждебности была нѣкая историческая и националистическая ограниченность, непонятная съ той принципіально-церковной точки зрѣнія, на которой въ концѣ своего жизненнаго пути утвердился Достоевскій. Я имѣю въ виду не его легенду о великомъ Инквизиторѣ, которую нельзя принимать за облеченное въ образы отверженіе католичества, какъ такового, а ту вполне конкретную враждебность къ римской церкви нашего времени, которая такъ ярко выразилась на многихъ страницахъ „Дневника Писателя“. Теперь совершенно ясно, что Достоевскій именно со своей собственной религіозной и церковной точки зрѣнія не дооцѣнивалъ значенія церковнаго и социальнаго дѣланія римскаго католицизма. Это тѣмъ болѣе ясно, что Достоевскій былъ несомнѣнно христіанскимъ социалистомъ и въ то же время былъ чуждъ протестантизма съ его религіознымъ субъективизмомъ. Такимъ образомъ, уклонъ его практическихъ церковно-религіозныхъ устремленій былъ какъ разъ очень близокъ къ духу новѣйшаго социальнаго католицизма. Если бы Достоевскій жилъ въ наше время, его отношеніе къ католицизму было бы совершенно инымъ — не надо, вѣдь, забывать, что въ своей враждебности къ католицизму въ 70 хъ годахъ XIX вѣка онъ доходилъ до сочувствія Бисмарковскому культуркампфу и до сопоставленія римской церкви съ социалистическимъ интернаціоналомъ. Эта исторически обусловленная враждебность Достоевскаго къ католицизму вовсе не вытекала необходимо изъ его православной религіозности. Послѣдняя для него была дѣйствительно характерна. Католическая, православная, протестантская религіозность суть разные типы христіанской религіозности вообще, и религіозность Достоевскаго была именно православной и притомъ русско-православной. Въ ней не было организационной суро-

ности ни римско-католической, ни даже византийской. Не даромъ византийцу Константину Леонтьеву эта религіозность представлялась какимъ то „розовымъ христіанствомъ“, чуть что не гуманизмомъ, прикрывающимся христіанствомъ. Это было не такъ: въ старцѣ Зосимѣ, а потому и въ Достоевскомъ больше религіозной русскости, чѣмъ въ Константиинѣ Леонтьевѣ, который умеръ инокомъ Оптиной Пустыни. Бывшій фургерастъ и поклонникъ Жоржъ Зандъ, Достоевскій сталъ настоящимъ столпомъ православной вѣры и выразилъ въ своихъ произведеніяхъ духъ православія съ исключительной, единственной силой. Если въ какомъ нибудь историческомъ явленіи выразилось положительное міровое значеніе русской національной и вѣроисповѣдной стихіи, то именно и прежде всего въ грандіозномъ духовномъ явленіи Достоевскаго. Будучи по духу православнымъ и русскимъ, Достоевскій въ то же время и именно поэтому получилъ міровое значеніе и признаніе.

Для насъ русскихъ въ этомъ и великое поученіе, и великое утѣшеніе. Столѣтіе рожденія Достоевскаго совпадаетъ съ ужасной катастрофой русскаго государственнаго и національнаго бытія. И исцѣленіе отъ язвъ этой прежде всего духовной катастрофы русское сознаніе найдетъ въ самомъ духовномъ явленіи своей новѣйшей исторіи, въ Достоевскомъ. Онъ возвращаетъ русское сознаніе къ его подлиннымъ источникамъ, онъ наполняетъ его живой водой.

Достоевскаго Мережковскій назвалъ „пророкомъ русской революціи“. Это вѣрно въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Теперь мы уже знаемъ, что Достоевскій воистину предсказъ русскую революцію во всемъ ея духовномъ происхожденіи и существѣ. „Бѣсы“ не только романъ, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ написанная пророческая книга, подобной которой нѣтъ ни въ какой другой литературѣ¹⁾ Но въ какой литературѣ есть что-либо подобное и „Братьямъ Карамазовымъ“?

1) Ибо даже съ чисто положительной-исторической точки зрѣнія „Священное Писаніе“ не можетъ быть сопоставляемо съ индивидуальной-литературными произведеніями.

Не является ли Достоевскій, какъ провидецъ и духовный вождь, пророкомъ не только русской революціи, но и русскаго духовнаго возрожденія?

Да, онъ таковъ. Ибо возвѣщать возрожденіе и подлинно возрождать могутъ только носители религіознаго свѣта.

А великій грѣшникъ и великій страдалецъ Достоевскій носить въ себѣ и высоко вознесъ для другихъ этотъ вѣчный свѣтильникъ.

Петръ Струве.